

«Дамский круг» славянофильства: письма И. С. Аксакова к гр. М. Ф. Соллогуб, 1862–1878 гг.¹

*Андрей Тесля**

Аннотация. Публикуемые письма И. С. Аксакова к графине М. Ф. Соллогуб содержат богатую информацию о политических и общественных взглядах Аксакова, круге его общения, в том числе о неформальных сторонах и способах обеспечения его влияния во властных сферах. Письма подробно прокомментированы и снабжены краткой вступительной статьей.

Ключевые слова: И. С. Аксаков, неформальное влияние, общественное мнение, панславизм, славянофильство.

Публикуемые письма представляют интерес не только своим содержанием, но и как образчик переписки Ивана Сергеевича Аксакова с «дамским кругом» славянофильства. Исторически так сложилось, что после опубликования писем молодого Аксакова, адресованных родным и составляющих своего рода эпистолярный дневник 1844–1856 гг., в дальнейшем издавались преимущественно его письма к публицистам, государственным деятелям и т.п. персонам — выбор казался логичным с точки зрения контактов и информационной насыщенности. Однако даже в эти первоначальные эпистолярные подборки вошли (опубликованные в IV томе переписки: Аксаков, 1896) письма к графине Антонине Дмитриевне Блудовой, поскольку их значение для истории жизни и деятельности Ивана Сергеевича несомненно. Сами по себе они, однако, не представляют собой исключения из довольно многочисленных писем Аксакова, обращенных к дамам, — назовем лишь переписку со Свербеевой или с княгиней Черкасской. Роль «дамского круга» в истории славянофильского направления не то чтобы недооценена, но явным образом «недопроговорена»: славянофильство по своему типу социальной организации принадлежит к «идейным» направлениям конца XVIII — первой половины XIX века, т. е. основой вхождения в круг и пребывания в нем является не только (а иногда даже и не столько) идейная близость, сколько связи родства и свойства, иногда соседские — и гораздо реже общая служба или пребывание в одном учебном заведении (см.: Цимбаев, 1986; Тесля, 2012). Соответственно,

* **Тесля Андрей Александрович** — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии ТОГУ. Email: mestr81@gmail.com

© Тесля А. А., 2013

© Центр фундаментальной социологии, 2013

1. Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ №МК-2579.2013.6. Тема: «Социальная и политическая философия поздних славянофилов: между либерализмом и консерватизмом».

вхожими в круг оказываются не отдельные лица, а семейства. В русском дворянском обществе первых двух третей XIX века большую и одновременно в значительной степени непубличную роль играет «женская половина», выстраивавшая сети контактов и влияний, которые для внешнего взгляда остаются малообъяснимыми.

Так, например, осведомленность Аксакова о планах верховной власти связана с придворным положением его жены Анны Федоровны и ее сестер — Дарьи и Екатерины, дочерей Федора Ивановича Тютчева, фрейлин императрицы. В письме от 15 августа 1878 г. он уведомляет Свербееву, что по сообщению Дарьи и Екатерины Тютчевых, они смогли узнать об обстоятельствах, сопровождавших решение о закрытии Московского Славянского общества и о высылке Аксакова из Москвы: «...причина остается им положительно неизвестною и держится в секрете, по крайней мере для главнейших представителей женского персонала при дворе»². Это говорило об уровне секретности операции; равно как, напротив, снятие «опалы» с Аксакова и дозволение вернуться в Москву было связано — по крайней мере, отчасти — с поддержкой, которую он имел на половине императрицы.

Иными словами, это ситуация еще «политики старого стиля», когда центром принятия решений является двор. Ориентация на такого рода политику (в модернизированном варианте — поскольку одновременно учитывается и общественное мнение, его пытаются формировать и мобилизовывать — но объектом целевого воздействия оказывается в конечном счете двор), помимо прочего, объясняет причины упадка «политического славянофильства» в 1880-е годы. Со времен Николая I все в большей степени решения вырабатываются и принимаются в рамках бюрократической машины — современники отмечают, что если раньше принадлежность ко двору давала власть, то теперь обладающие властью (такие министры как Вронченко, поднявшиеся по всем ступеням бюрократической лестницы) становятся придворными *ex officio*. Проблема, с которой сталкивается абсолютная монархия в условиях нового времени и формирования профессионального аппарата управления, — как сохранить в своих руках власть, не допустить перехода к конституционной монархии и вместе с тем сохранить автономию по отношению к бюрократии. Александр II будет решать ее, в частности, поддерживая конфликты между министрами и ведомствами, не давая возможности ни одному из бюрократических кланов одержать победу и составить министерство лишь из своих членов. Характерна логика министерских назначений, когда одновременно с некоторым поворотом «вправо» в 1861 г. (отставку — притом демонстративно «опальную» — получают основные деятели, готовившие крестьянскую реформу и разрабатывавшие проекты связанных с нею реформ других частей управления) на пост министра народного просвещения назначается один из лидеров «константиновцев» А. В. Головнин, или когда в 1874 г. шеф III Отделения граф П. А. Шувалов, достигнув максимума административного влияния (получив прозвища Петр IV и Вице-император), именно в этот момент получает отставку и назначение на пост посла в Великобритании. То, что выглядит непоследовательностью и «сеяньем раздора», необходимо для сохранения императором контроля над правительствен-

2. ИРЛИ Ф. 3. Оп. 2. Ед.хр. 50, л. 20.

ной системой — а другой сферой, дающей и альтернативную информацию, и другую площадку для борьбы между соперничающими силами — становится двор: он уже не самостоятельная сила, а пространство, где разворачиваются конфликты и сталкиваются интересы, решаемые в правительственных учреждениях. Закат этой системы пришелся на царствование Александра III, который использует уже не двор и не свет как некую альтернативу бюрократии, а выстраивает сеть неформальных контактов с отдельными лицами — с чем связана роль Победоносцева, кн. Мещерского и нескольких других лиц. Аксаковская модель политического влияния предполагает преимущественно воздействие на двор и организацию там влияния своей точки зрения, а также «общественное» и «народное мнение» как внешнюю реальность, которая должна придать убедительность, уверенность в наличии оснований у отстаиваемой точки зрения. По мере того как ослабевает роль «придворной политики», падает и реальная возможность Аксакова воздействовать на политику. Со своей стороны, он пытается искать новые способы работы с «общественным мнением», понимая, что оно теперь все дальше выходит за границы привычного ему дворянского и высшего купеческого круга. Как писал Аксаков своему другу Г. П. Галагану в последние годы жизни: «Нужно какое-то новое слово современному русскому миру, — наше старое слово его уже не берет, — новое, которое было бы тесно связано со старым — но секретом этого нового слова я очевидно не обладаю»³.

Если личность Ивана Сергеевича Аксакова достаточно известна, то об адресате его писем необходимо сказать несколько слов. Мария Федоровна Самарина (1821–1888) была сестрой Юрия Федоровича Самарина, близкого друга Ивана Сергеевича, Дмитрия Федоровича Самарина, тесно приятельствовавшего с Аксаковым, а также Петра Федоровича Самарина. Самаринское семейство, со своим особенным, крепким духовным складом, играло большую роль в жизни Аксакова, поддерживавшего отношения той или иной степени близости со всеми членами этого многочисленного семейства, и в истории славянофильства. Его представители, второе поколение самаринского семейства, смогли (в отличие от Дмитрия Хомякова, также претендовавшего на эту роль — без достаточных способностей) сохранить славянофильство как некое «семейное предание», счастливо избегнув его «мумификации», чтобы дать ему новый импульс — правда, в сфере, весьма далекой от политической, в деятельности «новоселовского» кружка, рассматривая его в первую очередь как способ осмысления православного учения. Мария Федоровна вышла замуж за графа Льва Александровича Соллогуба (1812–1852) — советника русского посольства в Вене, знатока искусств, брата гр. В. А. Соллогуба, известного писателя, также достаточно близко знакомого с Аксаковым (о спорах и беседах с которым — и обмене поэтическими посланиями — во время отдыха на Серных Водах в 1848 г. последний красноречиво рассказывал в письмах к родным; см.: Аксаков, 1988: 382–385), а еще до того выбранного в качестве объекта критических размышлений Юрием Федоровичем Самариным, приобретшего первоначальную журнальную известность статьёй «Тарантас, соч. графа Соллогуба» (Самарин, 1877: 1–27). Число точек пересечения легко увеличить, поскольку речь

3. ИРЛИ Ф. 3 Оп. 2. Ед.хр. 11, л. 24об (письмо от 17 октября 1884 г.).

идет о Москве, не очень далекой от «грибоедовской», т. е. о достаточно узком круге высшего и верхней части среднего дворянства, максимум полутора-двух тысячах семейств, которые и будут основной аудиторией славянофильского круга. Б. Н. Чичерин, другой представитель той же среды, оставил о Марии Федоровне выразительную мемуарную зарисовку:

«Это была одна из самых достойных женщин, каких я встречал в жизни. И ум, и сердце, и характер, все в ней было превосходно. Она имела самаринский тип, волосы рыжеватые, лицо умное и приятное. Образование она получила отличное и, когда хотела, умела вести блестящий светский разговор, приправленный свойственным семье юмором и иронией, однако без всякой едкости и язвительности. Но обыкновенный ее разговор был серьезный; ум был твердый, ясный и основательный. Она не возносилась в высшие сферы, но с большим здравым смыслом судила о людях и о вещах. К этому присоединялся самый высокий нравственный строй. Одаренная мягким и любящим сердцем, всецело преданная своим обязанностям, она никогда не думала о себе и всю свою жизнь жила для других. Никакое мелочное женское чувство не западало в эту чистую и благородную душу. Твердость и постоянство характера смягчались прирожденною ей ласковостью и обходительностью. В ней не было ничего жесткого, резкого или повелительного. Казалось, у ней было все, что нужно человеку для полного счастья: и ум, и сердце, и образование, и богатство. А между тем немного счастливых минут довелось ей испытать в жизни. В молодости первые порывы сердца были резко остановлены; она ушла в себя и решилась подчиниться воле родителей. Устроена была, по-видимому, хорошая партия: она вышла замуж за графа Соллогуба, брата известного писателя. Но еще будучи невестою, она заметила в нем что-то странное; однако, давши слово, ничего о том не сказала. Вскоре после брака обнаружили признаки таившейся в нем болезни; он мало-помалу впал в идиотизм. Несколько лет она прожила, таким образом, нянчась с мужем; а после его смерти все ее заботы обратились на единственного сына⁴, над которым она ежеминутно дрожала, боясь проявления в нем отцовской болезни. Благодаря неусыпным ее попечениям он вырос добрый, мягкий, как воск, с артистическими наклонностями. Скоро он женился по страсти. Помня свою молодость, Марья Федоровна не хотела препятствовать браку; но для нее он сделался источником нового горя. Умная и красивая, но сухая и своенравная невестка делала все, что от нее зависело, чтобы огорчить свекровь⁵. Марья Федоровна недолго с ними осталась жить. Она поселилась в Серпухове, недалеко от которого лежало ее имение. Там она основала приют и школу и всецело предалась этому взлелеянному ею учреждению, которое шло отлично под непосредственным ее управлением. Нередко она приезжала к братьям в Москву и там скончалась, окруженная всеобщою любовью и уважением» (Чичерин, 2010: 215–216).

Аксаков поддерживал с Марией Федоровной отношения на протяжении 1860–1880-х гг., многократно упоминая ее в письмах к другим корреспондентам, однако эпистолярное наследие не очень велико, потому что собеседники, как правило, общались лично. Данная публикация содержит тексты писем, оригиналы которых хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (РО

4. Соллогуб Федор Львович, граф (1848–1890) — известный русский художник, работавший в основном в театре, а также выступавший как актёр и поэт-любитель.

5. Соллогуб Наталья Михайловна, графиня (урожд. баронесса Боде-Колычева, 1851–1915).

ИРЛИ РАН): Ф. 3 (Аксаковы). Оп. 2. Ед.хр. 52. Оригиналы писем частично датированы карандашом — вероятно, это было сделано при подготовке писем к печати (в рамках мемориального издания переписки И. С. Аксакова, начатого вдовой). Эти датировки нами сохранены и даются в верхнем левом углу, в угловых скобках с подчеркиванием (<...>), недатированные письма датированы нами примерно, датировка аналогична, без подчеркивания (<...>).

При подготовке к публикации сохранены случаи написания, имеющие выраженный индивидуальный характер, и варианты, которые носят смысловой оттенок.

Набор, подготовка писем к печати, перевод иноязычных слов и выражений (за исключением указанных отдельных), а также комментариев — А. А. Тесля. За помощь в работе над текстом выражаем глубокую признательность проф. Р. А. Лошакову и Е. Ю. Резединовой.

* * *

I

<11 Июля 1862>

Не можете ли Вы мне сказать, Графиня, где теперь находится Юрий Федорович и не собирается ли он в Москву. Вот уже на три телеграммы мои и на несколько писем я не получаю ответа. Вы, может быть, уже знаете, что он утвержден Редактором «Дня»⁶. Чижову⁷ в его просьбе Министр отказал, и даже не счел нужным, хоть ради приличия, чем-нибудь мотивировать этот отказ. Тогда я представил в Редакторы (разумеется — номинальные) Юрия Федоровича, согласно его собственному вызову. Мне бы и в голову не пришло представить в редакторы человека, официально отсутствующего из Москвы и официально пребывающего на службе в Самаре, но Юрий Федорович сам первый телеграфировал мне об этом, а потом прислал мне и форменное письмо с предложением себя в Редакторы. Странность этого, кажется, ему и в голову не приходила, а если и приходила, то может быть, он намерен ее устранить, выйдя в отставку? Но сбыточно ли это? Если бы это могло стать, я бы поблагодарил

6. За отказ назвать автора корреспонденции в 31 «Дня» о беспорядках в Остзейском крае в июне 1862 г. Аксаков был отстранен от редактирования, и издание газеты с 34 № приостановлено. Формальным поводом к закрытию «Дня» послужил отказ Аксакова назвать имя автора статьи о положении православного духовенства в Виленской губернии (К-ъ. Очерк местного православного духовенства // «День» от 10.05.1862). По цензурным правилам Аксаков как редактор обязан был это сделать, но ему стало известно, что автору статьи (проф. Еленевскому) грозят серьезные неприятности со стороны церковных властей. В качестве своих возможных преемников в роли редактора-издателя газеты Аксаков указал цензуре на Ф. Чижова, В. Елагина, Ю. Самарина. Головнин сразу же отверг кандидатуру Ф. Чижова, со времени неудачного издания «Паруса» и «Парохода» считавшегося неблагонадежным. 26 июня Аксаков подал в Московский цензурный комитет прошение, где предлагал кандидатуры В. Елагина, Ю. Самарина и А. Н. Аксакова. Редактором газеты был утвержден Ю. Самарин, живший в то время в своем самарском имении (Мотин, 2013б: 3, 7). Опасения Аксакова о планах Головнина оказались безосновательными.

7. Чижов Федор Васильевич (1811–1877) — славянофил, предприниматель, издатель газеты «Акционер».

судьбу за случившееся со Днем — но именно на все мои вопросы об этом он ничего не отвечает. Тем не менее я послал, через Цензурный Комитет, к Головнину⁸ письмо Юрия Федоровича, — и тотчас же последовало утверждение, без всяких оговорок. Но Ценз. Комитет не принимает, однако же, от меня статей, и уверен, что это действие со стороны Головнина, новая его плутня, что тут скрывается какая-нибудь западня: ему слишком хорошо известно, что Ю<рий> Ф<едорович> служит в Самаре⁹, а утверждая его редактором, свидетельствуя перед ним полную свою готовность и проч., он может потом сказать, что препятствия возникли не от него. А препятствия непременно возникнут. Цензурный комитет послал Ю<рию> Ф<едоровичу> запрос в Самару: где он намерен устроить Редакцию, — чтоб сообщил адрес. Не говоря о том, что ответ на этот запрос последует только через три недели — а эта проволочка крайне для меня невыгодна, — самый ответ очень затруднителен: сказать, что в Москве — будут принимать в соображение его отсутствие, время — пересылки (мнимой) статей из Москвы в Самару на его утверждение и проч. Головнин думает про себя: а, вы хотите устроить номинальную передачу — я же вас поймаю на слове, я утверждаю Самарина Редактором, и Ценз<урный> Комитет будет наблюдать, чтоб Редактором был Самарин, а не Аксаков.

Сделайте милость, Графиня, вызовите Ю<рия> Федоровича в Москву хоть на две недели. Я сам ему пишу об этом, но я не знаю, где он находится — в Самаре или в деревне. Я заезжал нынче в Ваш дом: там мне сказали, что от него недавно получено письмо и послано в Серпухов. Если Вы знаете что-нибудь о его планах, будьте так добры, напишите мне, адрес просто: в редакцию Дня.

Преданный Вам

Ив. Аксаков.

11 Июля

1862

Москва.

II

<2-я половина апреля 1864 г.>

Поздравляю Вас, Графиня, с Принятием Св. Тайн. Вот две карточки матушки: одна для княгини, другая для Юрия Федоровича¹⁰; также одна моя для Катерины Алексеевны, в обмен на ее карточку, которую буду ждать.

8. Головнин Александр Васильевич (1821–1886), с 1861 по 1866 г. — министр народного просвещения.

9. После завершения работ Редакционных комиссий Самарин служил членом губернского присутствия по крестьянским делам в Самаре (1861–1864), считая, как и ряд других славянофилов, своим долгом непосредственно способствовать введению новых отношений в деревне.

10. Т. е. Ю. Ф. Самарина.

Бедная графиня Баранова! И подумать об ней тяжело: казалось бы — только бы жить поживать им в любви, в счастье, цветущей семьей!.. Неисповедимы судьбы Божии¹¹.

К Субботе Вы, верно, вернетесь, и тогда я надеюсь поздравить Вас с наступившими, а не наступающими праздниками. Мы собираемся всей семьей встретить праздники у Троицы: Маменьке слишком тяжело встречать его здесь.

Преданный Вам

Ив. Аксаков.

III

<12 Июня 1864>

Благодарю Вас, любезнейшая Графиня, за присылку адреса Юрия Федорович. Получил от него одно письмо из Венеции и потом несколько строк из Вены, а сам писал ему, адресуя в Берлин. О здоровье он не пишет ни слова, но в письме из Венеции говорил, что в ней так хорошо, что он забывает и Польшу, крестьянское дело и День, и всю Россию — чему я очень порадовался.

Боюсь, что его таки притянут в Варшаву¹². Его увлечет открывшаяся там борьба его друзей с нашими же Русскими врагами, желание поддержать их, не оставить одних в беде. Вчера Кошелев уехал из П<етер>бурга в Варшаву. Скоро отправится туда и Соловьев¹³, и Черкасский не будет один. Но Берг¹⁴, чтоб не остаться в меньшинстве,

11. *Баранов Павел Трофимович* (1814–1864) — генерал-майор, в 1857–1862 годах тверской губернатор, был женат на Анне Алексеевне (урожд. Васильчиковой; 1827–1890), имел высокую репутацию в обществе, скоропостижно скончался 15 апреля 1864 г.

12. Речь идет о привлечении Ю. Ф. Самарина к работе Учредительного комитета по крестьянским делам Царства Польского. Хотя Ю. Ф. Самарин принял большое участие в разработке законоположений по крестьянской реформе в Царстве Польском и целого ряда других вопросов, связанных с действиями имперских властей в ответ на польское восстание 1863–1864 гг., от занятия официальной должности он отказался.

13. *Соловьев Яков Александрович* (1820–1876), окончил Санкт-Петербургский Императорский университет, с 1843 г. служил по ведомству Министерства внутренних дел, с 1857 по 1863 г. — начальник земского отдела министерства, принимал деятельное участие в подготовке Крестьянской реформы 1861 г., а затем в реализации Положений 1861 г. В 1864 г. по рекомендации Н. А. Милютина назначен членом Учредительного комитета по крестьянским делам в Царстве Польском. В его обязанности входило заведывание делами Комитета и личным составом крестьянских комиссий, а также и общее наблюдение за их деятельностью. С 1865 г. председательствовал в центральной комиссии по крестьянским делам, учрежденной для рассмотрения ликвидационных табелей (уставных грамот), разрешения жалоб на местные комиссии и разработки проектов постановлений по всем предметам поземельных отношений владельцев имений и крестьян. По закрытии Учредительного Комитета в 1867 г. назначен сенатором (IV департамент).

14. *Берг Федор Федорович, фон*, граф (нем.: Friedrich Wilhelm Rembert von Berg; 1794–1874) — русский государственный деятель, дипломат, географ и военачальник (генерал-адъютант, генерал-фельдмаршал). В 1854–1861 генерал-губернатор Финляндии. С 1863 года и до кончины — наместник Царства Польского.

упросил Государя позволить ему посадить и от себя Членов: Государь согласился и членами Учредит. Комитета, по представлению Берга, назначаются: Генерал-лейтенант Заболоцкий¹⁵ и Брауншвейгский и Подольский губернатор Брауншвейг¹⁶. Я очень рад за Подольскую губернию, что она освобождается от такого губернатора, который был очень вреден для Русского дела и держал руку Польских помещиков, но не поздравляю Черкасского с таким сочленом. Все Немцы, которые прехладнокровно вешали повстанцев (напр., Берг, князь Зайн-Витгенштейн¹⁷, отличавшийся особенно жестокостью), приняв восторженно, как только дело дошло до аристократического и до патримоньяльного принципа, и приняли сторону помещиков.

Маменька с сестрами переехала в Абрамцево¹⁸, куда и я нынче (пятница) еду дня на два. Как ни тяжело ей там, но все же лучше, чем в Москве, где она под конец была просто больна от жару, действовавшего вредно на желчь. Москва пустехонька, душна и пыльна так, что выходить из дому можно только к ночи.

Прощайте, Графиня, вашу ручку,

Ив. Аксаков.

12 Июня

—
1864 г. Москва.

IV

<30 Июля 1864>

Благодарю Вас, многоуважаемая Мария Федоровна, за присылку адреса, но я еще за два дня до получения Вашего письма уже послал Юрию Федоровичу большое обстоятельное письмо именно по этому адресу. В Субботу на прошлой неделе пришло от него письмо из Рагаца¹⁹ — весьма краткое, с требованием отчета подробного о всем, что делается в России. Во все время его бродяжничества по Англии я не имел от

15. *Заболоцкий Василий Иванович* (1802–1878) — генерал-лейтенант; с 1861 г. один из организаторов подавления восстания в Варшаве, в 1863–1864 гг. минский губернатор.

16. *Брауншвейг Рудольф Иванович* (1822–1880) — тайный советник, сенатор. С 3 апреля 1860 г. назначен и.д. подольского гражданского губернатора (23 апреля 1861 г. утвержден в должности губернатора), в 1864 г. (с 12 июня) назначен членом Учредительного Комитета и Совета управления Царства Польского, с 17 ноября — председателем ликвидационной комиссии. 11 декабря 1866 г. назначен главным директором правительственной комиссии внутренних дел Царства Польского, с оставлением в прежних должностях; 31 марта 1868 г. Брауншвейг был назначен сенатором, но еще несколько лет оставался в Варшаве, пока местные комиссии, в коих он участвовал, не покончили своих работ и не были закрыты. С 1872 г. — в I департаменте Сената.

17. *Витгенштейн-Сайн-Берлебург, Эмилий-Карл Людвигович* (1822–1878) — генерал-лейтенант, с 1863 г. состоял при наместнике Царства Польского В.К. Константине Николаевиче, в 1866 г. вышел в отставку.

18. *Абрамцево* — подмосковное имение (с 40 душами крепостных), купленное Сергеем Тимофеевичем Аксаковым в 1843 г. и принадлежавшее аксаковскому семейству до 1870 г., когда было продано С. И. Мамонтову.

19. *Бад-Рагац* (нем. Bad Ragaz) — небольшой швейцарский курорт, неподалеку от Цюриха.

него писем и узнал об этом только от Княгини Черкасской²⁰. Он вкратце теперь перечислил места, где он был, упомянул, что виделся с Герценом²¹ (вот, вероятно, то самое, о чем Ваша матушка не позволяет Вам писать мне по почте), и обещает сообщить подробности о своем путешествии в другом письме. Не знаю, ведет ли он свой дневник: это было бы лучше, чем писанье писем к знакомым и родным, писем, по которым рассеяны то там, то здесь его заметки и впечатления. Он также пишет мне, что принимается за разбор писем Хомякова²², на что я ему отвечал тоже, что Вы, т. е. что эта работа не успокоительная, не легкая, и что он теперь должен всячески баловать себя и думать только о своем развлечении.

От княгини Вы, вероятно, имеете частые письма. Она мне писала накануне казни пяти членов Жонда²³: эти минуты для наших друзей должны быть особенно тяжелы. Петр Федорович²⁴, разумеется, ни слова. Кошелев также. Вообще я в этом отношении чрезвычайно недоволен ими.

Управляющий Ваш еще не приходил ко мне.

Юрий Федорович ведь опять поедет в Англию? По крайней мере, так надобно полагать — по некоторым выражениям его письма. Предполагая застать его еще в Лондоне, я отправил по почте к Е. И. Попову²⁵ рукописный перевод Хомяковской статьи «о Церкви»²⁶ (т<ак> наз<ываемый> Катехизис) и Русский текст. В письме к Попову я объяснил, в чем дело. Перевод этот (на англ. язык) сделан одним моим знакомым и сотрудником *Дня* (по части финансовых статей) полковником Пфейфером²⁷ (православным). Говорят — переведено прекрасно. Попов должен верить, поправить, а Юрий Федорович — напечатать там в Лондоне. Я потому особенно убедил Пфейфера заняться этим переводом, что Англичанам и Американцам, ищущим сближения и соединения с православием, — недостает именно понятия о Церкви. Она им представляется каким-то учреждением государственным, с определенной регламентацией, в которой можно изменить или прибавить несколько параграфов. Это меня особенно

20. Черкасская Екатерина Алексеевна, княгиня (урожд. Васильчикова, 1825–1888), жена кн. В. А. Черкасского.

21. Об отношениях Ю. Ф. Самарина и А. И. Герцена см., в частности: Емельянов, Тесля, 2012; Тесля, 2013.

22. В это время Самарин занимался подготовкой издания сочинений А. С. Хомякова — и в первую очередь составлением и подготовкой к заграничному изданию (по причине цензурных затруднений) т. 2 собрания (в которое вошли богословские работы Хомякова), вышедшем в Лейпциге в 1867 г.

23. *Народный жонд* (польск. Rząd Narodowy: «национальное правительство») — центральный коллегиальный орган повстанческой власти во время восстания 1863–1864 гг., И. С. Аксаков (как и многие современники) употребляет данный термин нередко как общее обозначение повстанцев или, по крайней мере, лиц, причастных к руководству восстанием на отдельных территориях.

24. Самарин Петр Федорович (1831–1901), участник Крымской войны, после объявления Манифеста 1861 г. оставил службу и стал мировым посредником Богородского уезда Московской губернии, затем — Тульским губернским предводителем дворянства. С 1880-х отошел от общественных дел.

25. Попов Евгений Иванович (1813–1875), протоиерей посольской церкви в Лондоне с 1842 г.

26. Имеется в виду работа А. С. Хомякова «Церковь одна» (впервые опубликована посмертно, в 1864 г.).

27. Также похищен у меня Польшей. Кошелев взял его к себе в помощники. — Прим. И. С. Аксакова.

поразило прошлого года в разговоре с Американцем, мудреное имя которого я забыл (Baleigh или что-то в этом вкусе).

Маменька и сестры в Абрамцеве, т. е. в нашей Подмосковной. Я бываю у них каждую неделю, отправляюсь туда, как школьник или чиновник, по Субботам, выдав №. Это довольно удобно, потому что мы всего в 1½ верстах от станции железной дороги (Хотьковской). Маменька здорова, но очень грустит, очень скучает.

Ну а Вас нескоро дожدهмся в Москву, я думаю. Вы не можете себе вообразить, как пуста теперь Москва. Я совершенно одинок. Прощайте, Графиня.

Преданный Вам

Ив. Аксаков

30 Июля

1864 г.

Москва

V

<22 октября 1867 г.>

Благодарю Вас от всей души, Графиня. К моей радости и к изумлению, Анна не только вне опасности, но и вообще провела ночь очень порядочно. Трудно этому поверить, когда вспомнишь страдания 80 часов и мучения операции²⁸. Но жена выказала энергию необычайную как физической, так и нравственной своей природы. Не знаю, что будет дальше, но в виду мертвого ребенка (она ни на минуту не теряла сознания) она даже и не выразила ни ропота, ни жалобы, а испугавшись своего горя и его победы над нею, тотчас же призвала священника, исповедалась и причастилась и стала разом на почву должную. Дай Бог на ней и удержаться, но теперь это помогает выздоровлению. Ребенок был просто великан, не то что недоношенный, а переносенный и перерослый.

Весь ваш Ив. Ак.

Воскр.

VI

<22 или 29 октября 1867²⁹>

Жена просит меня написать Вам, любезнейшая Графиня, что ей было бы очень приятно Вас видеть, если только Ваше здоровье позволяет Вам выдержать поездку. Она поправляется, но медленно. Хотел сам лично быть у Вас, но никак не успеваю.

Преданно Ваш

Ив. Аксаков.

Воскрес. 12 ночи.

28. 21 октября 1867 г. Анна Федоровна родила мертвого ребенка. В письме М. Ф. Раевскому Аксаков от 22 октября сообщал: «Родился мальчик, совсем сформированный, 15 вершков, но мертвый, умерший от продолжительности мук» (Мотин, 2013а: 76–77).

29. Письмо датируется предположительно, по связи с предыдущим.

VII

<конец мая — начало июня 1877 г.>

Как мне дороги Ваш привет, многоуважаемая Графиня, и Ваш отзыв о моем послании к Ригеру³⁰. Мне еще не известно, какое впечатление он произвел в публике: Москва пуста и в газетах о нем пока еще не говорят — верно, будут бранить. Но всего интереснее знать, как отнесутся к нему в Праге. Может быть, на некоторых он подействует в смысле невыгодном для нас и охладит сочувствие к России. Этого бояться нечего, это пусть и будет пробным камнем — сколько лежит правды во всех Чешских демонстрациях. Хотя Ригера и потянули было к суду, но по последним известиям, прокурор не нашел поводов к обвинению и суд не состоялся.

Мы непременно с благодарностью воспользуемся Вашим приглашением. Но до 6 Июня исполнить это невозможно — жду со дня на день Черняева, который будет в Москве проездом на Кавказ³¹, и должен передать ему саблю от Чехов, а Анна Федоровна ждет свою *belle-mere*³², которая также должна проехать через Москву около 6-го. От 6-го до 13-го Июня для Вас неудобно — и так наш приезд к Вам может состояться после 13-го. Мы предполагаем приехать к Вам на лошадях: это будет гораздо проще, тем более что на нашем Кунцовском полустанке почтовые поезда <sic!> не останавливаются, а пассажирский поезд проходит в неудобный час. Поехать же в Москву только для того, чтобы отправиться оттуда по железной дороге — возьмет столько же времени, сколько нужно, чтобы доехать до Вас. От нас до Измайлова будет не больше 13 верст, из которых верст 10 по шоссе. Впрочем, до 13 Июня мы еще спишемся.

К великому нашему удовольствию, Катерина Федоровна уехала наконец вчера с Д<митрием> Ивановичем к себе в деревню. Ей так нужен был отдых после усиленных занятий в Складе³³. Надеюсь в Июле навестить и ее. Нынешнее лето мне посвободнее, чем в прошлом году.

Преданный Вам душою

Ив. Аксаков.

Анна Федоровна Вам от всего сердца кланяется.

30. Речь идет об «Ответе И. С. Аксакова на послание к нему д-ра Фр. Лад. Ригера <от 3 мая 1877 г.>», под каковым заглавием он опубликован в Собрании сочинений: Аксаков, 1886: 308–315. Оригинал хранится: ИРЛИ Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 57.

31. *Черняев Михаил Григорьевич* (1828–1898) — русский генерал, командующий сербской армией в войне 1876 г. против Порты, после неудачных военных действий и заключения перемирия отправился в Австрию (в Чехию), которую был вынужден покинуть по настояниям австрийского правительства, справедливо усмотревшего в его деятельности «панславистскую пропаганду». После начала Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. вновь поступил на военную службу, но назначения не получил — затем отправился в действующую армию на Кавказ (но и там остался без назначения). Новый карьерный взлет приходится уже на царствование Александра III, назначившего его в 1882 г. туркестанским генерал-губернатором, однако конфликты (в частности, с Сенатом) привели его к отставке в 1884 г.

32. *Belle-mere* — мачеха (*фр.*). Речь идет о баронессе *Эрнестине Пфэффель* (нем.: Ernestine von Pfeffel; 1810–1894), в первом браке баронесса Дёрнберг, вторая жена Федора Ивановича Тютчева.

33. Имеется в виду Склад Московского Славянского благотворительного комитета (общества), через который осуществлялось снабжение добровольцев и помощь сербам, черногорцам и болгарам. В его работе деятельное участие принимала К. Ф. Тютчева.

VIII

<11 Июля 1877 г.>

Посылаю Вам, дорогая Графиня, письмо Кн. Черкасского, присланное мне Княгинею³⁴, а кстати и ее письмецо, из которого Вы увидите, куда следует его переслать. Вот какой великой исторической деятельности сподобился Черкасский³⁵, и я надеюсь, что значение переживаемых им минут, впечатления им испытываемые, сила и разум совершающихся событий направят, настроят, вразумят его мысли и волю в духе исторической истины. О деятельности его гораздо более пишут иностранцы, и все сведения о нем я почерпаю из того, что перепечатывается Петерб<ургскими> Газетами из Немецких и Английских.

Вот куда мы шагнули — почти в Филипполь и Адрианополь... Если что еще страшно, так только то, что весь этот результат добыт почти без выстрела, без разбития неприятельской армии... Но зато на Кавказе много позора и еще больше кровавых потерь.

Мы еще не ездили в Варварино, к Екат<ерине> Федоровне³⁶, — потому что Анна Федоровна все хворает, но теперь ей лучше и, может быть, мы съездим к концу Июля. Недавно я переслал Дм. Федоровичу³⁷ корректуру 1-го листа II Тома³⁸ с некоторыми моими замечаниями. Он ошибся в своих примечаниях относительно времени прибытия Юрия Федоровича в Киев на службу, означая это время концом 1848 года. Это было не в 1848 г., а или в самом начале 1850 г., или же в конце 1849-го. В Январе 1849-го он сидел в Крепости³⁹ — кажется, до конца Апреля пребывал в Москве — потом отправился в Симбирск, и уже оттуда переведен в Киев, но когда именно, не помню: все же месяца четыре он пробыл в Симбирске.

Заметка же о Мицкевиче, написанная карандашом на обертке Книги, — вещь превосходная и стоит любой статьи. Я очень рад, что Дм<итрий> Ф<едорович> ее

34. Т. е. княгиней Е. А. Черкасской.

35. Кн. В. А. Черкасский во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. был уполномоченным при действующей армии от центрального управления Общества Красного Креста. Как заведующий гражданским управлением Болгарии, занимался устройством гражданской администрации на оккупированной территории; вводил сельское, городское и земское самоуправление, подготовленная им записка была одобрена Императором и легла в основу Конституции Болгарии 1879 г.

36. *Тютчева Екатерина Федоровна* (1835–1882), младшая из дочерей Ф. И. Тютчева от первого брака, сестра Анны Федоровны, жены И. С. Аксакова. П. А. Бартенев писал в некрологе: «Основательное, многостороннее образование, при полном отсутствии педантизма, живая прелесть ума, крепкого и цельного, но в то же время изящно-женского, сообщали необыкновенную привлекательность ее беседе. Лучшие произведения всех веков и образованных народов были ей близко знакомы, и предметы политики, словесности, истории, богословия занимали ее постоянно» (РА, 1882, № 2. С. 560).

37. *Самарин Дмитрий Федорович* (1827–1901) — брат Ю. Ф. Самарина, земский деятель, сотрудник изданий деятельный сотрудник изданий И. С. Аксакова.

38. Имеется в виду издание: Самарин, 1878.

39. Память несколько подвела И. С. Аксакова — арестован и заключен в Петропавловскую крепость Ю.Ф. Самарин был 5 марта 1849 г., причиной чему послужило распространение в петербургском обществе «Писем из Риги». См. подробнее: Самарин, 1889: L–СХХХ.

отыскал, и нахожу, что ее следует непременно напечатать⁴⁰. Она совершенно современна и крупнее всего, что им было высказано о Польше.

Я еще надеюсь повидаться с Вами в Измайлове.

Преданно Ваш

Ив. Аксаков.

11 Июля

—

77.

Моя храбрая матушка в Одессе и радуется, что ближе к театру войны!

IX

<21 Июня 1878>

Завтра, дорогая Марья Федоровна, будет заседание Славянского Общества, и буду я держать речь по случаю нынешних обстоятельств. Завтра, т. е. 22 Июня, в час полудни, в доме Беланиного, на Молчановке. Так как публики предвидится мало, то оно будет проходить в самом помещении Слав. Общества. Приятно мне было бы видеть Вас в числе слушателей. Во всяком случае до свидания⁴¹.

Ваш душою Ив. Аксаков.

21 Июля.

От Д<митрия> Ф<едоровича> не имею ни слуху ни духу.

X

<11 Июля 1878 г.>

Спешу довести до Вашего сведения, дорогая Марья Федоровна, что дня три тому назад, через Генерал-Губернатора, объявлен был от имени Государя «Высочайший строгий выговор». Я было очень обрадовался такому благополучному исходу и видел в этом хороший признак. Но сегодня (11 Июля) получено и объявлено новое Высочайшее Повеление: «немедленно отрешить меня от должности Председателя Москов<ского> Славянского Общества»... Это уже очень дурной симптом — и произведет негативное впечатление на Славян, особенно на Болгар. Вероятно, придется

40. Заметка Ю. Ф. Самарина, озаглавленная «По поводу книги *L'eglise officielle et le messianisme par Adam Mickewicz*», была опубликована Д. Ф. Самариним в 1-м томе Собрания сочинений брата: Самарин, 1877: 351–352.

41. Речь идет о знаменитой речи И. С. Аксакова, произнесенной в Московском Славянском обществе 22 июня 1878 г. с протестом на планирующиеся решения Берлинского конгресса, в первую очередь на планы разделения Болгарии на княжество и Восточную Румелию (под властью особого губернатора).

Публики, действительно, было немного: в письме к М. С. и Е. А. Томашевским от 24 июня 1878 г. Аксаков пишет, что «в Собрании было человек 50, не больше» (ИРЛИ Ф. 3. Оп. 2. Ед.хр. 56, л. 1), а Г. П. Галагану сообщает: «на заседании, по случаю лета, было не больше 40 человек» (ИРЛИ Ф. 3 Оп. 2. Ед.хр. 11, л. 106; письмо от 23 августа 1878 г.).

передать должность Н. А. Попову. Впрочем, в Пятницу мы совещаемся в Совете. Последовало и еще ограничение прав Слав<янского> Общества: велено денежные суммы за границу не пересылать самим, а препровождать их в М<инистерст>во Ин. Дел для отсылки!.. Это значит, что решились идти по пути Конгресса!.. До свидания

Ваш душою Ив. Акс.

11 Июля вечером

78

XI

<24 Июля 1878 г.>

Дорогая Графиня. Вчера курьер прискакал в Волынское, вызвал меня к Долгорукову⁴². Ночью получена была телеграмма: «Выс<очайше> повелено обязать меня подпискою немедленно выехать из Москвы в свое имение, где и оставаться впредь до особого распоряжения». Имена мои и жены распроданы. Я дал подписку, что «выеду в имение кого-либо из родственников или близких людей»⁴³. Мы желали было ехать в

42. Долгоруков Владимир Андреевич, князь (1810–1891) — генерал-адъютант, генерал от кавалерии, московский градоначальник, московский генерал-губернатор в 1865–1891 годах.

Отношение Аксакова к кн. Долгорукову в это время вполне характеризует письмо к брату, Григорию Сергеевичу от 15 апреля 1879 г. с описанием юбилея генерал-губернатора: «<...> Москве, настоящей народной Москве не дано было принять участие в торжестве приема Царя, избавившегося чудесным образом от пули пяти пуль, а за то ей предоставлен был полный простор праздновать... юбилей Долгорукова. С раннего утра загородили для простых извозчиков переулки, ведущие к Тверской, и торжество было такое, какого не удостаивался ни Веллингтон в Англии, да и ни один государственный знаменитый муж в истории. Подарков нанесено не на одну сотню тысяч. Это что-то совсем новое: получать подарки, состоя на службе, от подчиненных и подведомственных. Например, от трактирщиков массивного серебра позолоченный полный чайный сервиз, от жидов библия в переплете с драгоценными камнями — тысяч, говорят, до 20 рублей ценою!.. Флаги на Тверской, иллюминация! Я, конечно, не участвовал и даже отказался подписать адрес Миссионерского Общества, ни малейшего отношения к Генерал-Губернатору не имеющего. Кроме того, что мне не хотелось участвовать в этой повальной пошлости, я считаю Долгорукова главным, хотя и тайным виновником разгрома Моск<овского> Славянского общества. Вчера один господин, встречаясь со мною на улице, говорил мне: “Если Москва так празднует и чествует юбилей Долгорукова, как же бы она будет праздновать государственного мужа с действительными, крупными заслугами перед Отечеством?” “Никак, — отвечал я ему. — Крупные заслуги меньше всего оцениваются массою и меньше всего получают возмездие”. Недалеко ходить: в Москве состоит корпусным Командиром старик Ганецкий, остановивший напад<ение> Осман-паши в последний день Плевны: Москва даже стакана не подарила ему... Мне известно, что старообрядцы терпеть не могут Долгорукова, он дурно с ними обращается, а между тем поднесли ему подарок ценою в 5000 рублей!

Что это все за мерзость! Вот на что растрачиваются деньги, время и силы!» (ИРЛИ Ф. 3 Оп. 16. Ед. хр. 15, лл. 450б–460б)

43. Черновик подписки, данной Аксаковым, сохранился; приводим его вместе с авторской правкой: «Я, нижеподписавшийся, согласно объявленному мне его Сиятельством, Московским Генерал-Губернатором, Князем Долгоруковым Высочайшему повелению, обязуюсь <вписано над строкой, чер-

имение Ив<ана> Фед<оровича> Тютчева⁴⁴, Овстуг⁴⁵, где никто не живет, Оловск<ой> губ<ернии> Брянского уезда, 17 верст от Орлов<ско>-Витеб<ской> ж<елезной> дороги. Вечером в это я передал об этом заявление Долгорукову, выговоря себе крайний срок отъезда — Среду. Между тем ночью пришла телеграмма о том, что Овстуг необитаем, — все разрушено. Приходится переводиться за Волгу, в имение брата⁴⁶. Это не совсем желательно во многих отношениях. По совету Китти⁴⁷ решаюсь обратиться к Вам — не разрешите ли Вы нам жить на первое время в Рождественском, конечно, только пользуясь комнатами и мебелью, не больше⁴⁸. Не знаю, надолго ли эта высылка? Может быть, впоследствии можно будет перебраться в другое место, но теперь надо в Среду уже выехать. Можете представить, сколько возни и хлопот!..

Не знаю, здесь ли Вы? Китти сегодня в с почтов<ым> поездом уехала в П<етер>бург и оттуда за границу. Ее здоровье лучше. Анна Фед<оровна> здесь и до 4½ дома. Я же в хлопотах, но если Вы у себя, черкните словечка два с посланным, я буду в Банке⁴⁹ до 4 часа.

Весь Ваш

Ив. Ак.

24 Июля.

нилами: немедленно> отправиться в имение кого-либо из моих родственников <вписано над строкой синим карандашом: или близких людей> по соглашению с ними, <вписано над строкой синим карандашом: где и оставаться вплоть до особого распоряжения>, так как ~~собственные мои имения проданы, равно и имение моей жены~~ <вписано над строкой синим карандашом: в настоящее время нет ни у меня собственного имения, ни у моей жены>. О том же, какое имение и где ~~именно~~ будет избрано мною, я немедленно доведу до сведения Его Сиятельства.

Надворный Советник Иван Аксаков.

Июля 23 1878 г.» (ИРЛИ Ф. 3. Оп. 2. Ед.хр. 56, л. 7)

44. *Тютчев Иван Федорович* (1846–1909) — младший сын Ф. И. Тютчева от второго брака (с Эрнестиной Пфеффель). Окончил Императорское училище правоведения (1867), поступил на службу в VI департамент Сената (московский). В следующем году перешел в Смоленскую палату уголовного и гражданского суда, затем служил товарищем прокурора Смоленского окружного суда (1870) и членом Московского окружного суда (1872). Был мировым судьей в Дмитровском уезде Московской губернии (1875–1888), участковым мировым судьей в Москве (1875–1904) и почетным мировым судьей Москвы (1890–1907). Занимался публицистикой, сотрудничал в газете И. С. Аксакова «Русь». Имел придворный чин гофмейстера.

45. *Овстуг* — усадьба дворянского рода Тютчевых на берегу речки Овстуженки, в одноименном селе (Жуковский район Брянской области). В пореформенный период была фактически заброшена, господский дом разобран в начале XX в.

46. *Аксаков Григорий Сергеевич* (1820–1891), в 1852–1853 гг. — оренбургский вице-губернатор; в 1855–1858 гг. — самарский вице-губернатор; [в 1858–1859 гг. — член от правительства в Оренбургском дворянском комитете по устройству быта помещичьих крестьян]; с 1864 г. — оренбургский губернатор, с 1867 г. — самарский губернатор. В 1884–1891 гг. — предводитель самарского дворянства. Во время года 1873 и 1880 годов лично занимался оказанием помощи крестьянам.

47. Т. е. Е. Ф. Тютчевой.

48. В оригинале подчеркнуто 4 чертами, первая проведена три раза.

49. И. С. Аксаков, после Ф. И. Чижова, был избран председателем правления Общества взаимного кредита, на каковом посту и пребывал до самой смерти, многократно сетуя на обременительность обязанностей, которые был вынужден нести, не имея других средств к существованию.

XII

С. Варварино

9 Авг. 78.

Вот уж и дней 10 прошло нашему пребыванию здесь, дорогая Графиня. Не знаю, что будет позднее, когда начнется осень, разденется вся эта прекрасная местность и оденется в смурый и хмурый видом кафтан, а потом и в снежную шубу, но покуда это истинно прекрасный уголок, и я не могу попрекнуть Е<катерину> Ф<едровну>⁵⁰ в пристрастии к своему Варварину. Сад, благоухающий весь цветами, очень изящен, но и очень невелик, — так же и дом — небольшой, хотя замечательно удобный и уютный, притом милый и щеголеватый, и из этого — украшенного, цветочного, ароматического, простого и незатейливого, но изящного и щеголеватого приюта, как из рамки, виды в даль и в ширь бесконечную, с селами и церквями, с нивами и лугами, а на ближайшем плане — довольно широкая река Колокша, семью излучинами вьющаяся по зеленой долине... Вообще местность здесь очень гористая; это красиво, но для прогулок неудобно. Рощи — лесов больших здесь нет — расположены все по оврагам и скатам, все — чернолесье, дубы, вязы, редко береза, орешник. Но уж какой мир, какая тишина! Такая, о которой Вы и понятия не имеете. Село — дворов каких-нибудь 50 или 60 — примыкает вплоть к саду, так что от балкона до улицы нет и ста шагов, но его не слышать: нет ни кабака, ни собак, народ умный — Владимирцы — но все хлебопашцы (здесь земля черноземная, и сеют пшеницу). Фабрик в окрестности близко нет, нет ни соседей близких. Из городских жителей со мной еще никто не познакомился... Этот мир для меня очень кстати.

Вообще — я ведь человек старосветский, т. е. принадлежащий к поколению, воспитанному на любви к природе и на эстетике. Луна, ея сияние ночью — каюсь — сохраняет для меня и до сих пор неотразимую прелесть. Этого даже не поймут или, пожалуй, осмеют теперь воспитанники наших классических гимназий. Как бы то ни было, но изящество тишины производит на меня самое благотворное действие, и красивая безмятежность этого сельского, нашего Русского простора облегчает жизнь.

Вообще лично в глубине души я нисколько не злобствую и совершенно тих; только когда отнесусь извне, как посторонний к бесправию и грубому насилию, надо мной совершенному, — тогда только возмущаюсь. И всего возмутительнее, что не объявили и не объявляют причины. Теперь Дарья Ф<едоровна>⁵¹ и Е<катерина> Ф<едровна> живут в Царском⁵² и имели бы, кажется, возможность узнать, но обе утверждают, что причина держится в секрете, и по всей вероятности дипломатическая. Говорят, что

50. Т. е. Е. Ф. Тютчеву, которой принадлежало с 1873 г. имение Варварино (во Владимирской губернии), где она основала школу и амбулаторию (была близка по взглядам на народное образование с С. А. Рачинским, чьи письма, посвященные данному предмету, публиковались в «Руси» И. С. Аксакова).

51. *Тютчева Дарья Федоровна* (1834–1903) — дочь Ф. И. Тютчева, сестра Анны Федоровны, жены И. С. Аксакова, камер-фрейлина.

52. Т. е. в Царском Селе, излюбленной летней резиденции Александра II и Марии Федоровны. Сестры Тютчевы были близки ко Двору, по связям отца и в первую очередь по личной близости с императрицей, фрейлинами которой были.

этого требовала Австрия. По правде говоря, это в порядке, в логике вещей. После Берлинского Трактата Правительству нельзя было оставлять Слав<янское> дело в руках того Общества и того человека, которых свежие, очень свежие предания идут наперекор новому направлению в политике. Беконсфильд⁵³ <sic!> в речи на банкете у Лорда-мэра недавно с радостью повестил, что «отныне воинственная (т.е. националистическая) партия в России будет лишена возможности заниматься судьбами Славянства». Австрия, в объяснение встреченного ею в Боснии сопротивления⁵⁴, уверяющая (как это было перепечатано в Моск. Вед.), что «mot d'ordre⁵⁵ был дан из Москвы», обвинят не иного кого, как Моск<овское> Слав<янское> Общество и меня. Ни Общество, ни я — мы тут ни душой, ни телом не виноваты; однако ж действительно перед Конгрессом я получил от боснийских инсургентов на свое имя, адрес, в котором они, указывая на прежние мои речи и их будто бы действие, взывали ко мне о новом слове в их пользу, клянутся, что будут с оружием в руках сопротивляться Австрийскому нашествию и предпочтут смерть или даже Турецкое иго — игу Австрийскому, под которым они неминуемо погибнут духовно. Он написан очень красноречиво, имеет 70 подписей, из которых некоторые по уполномочию от целых отрядов... Я оставил его без ответа, да и как, кому отвечать? Если бы и мог отвечать, я сказал бы то же, что говорил и некоторым нашим членам, что поощрять их боснийцев к сопротивлению — это было бы теперь грешно, потому что у нас и средств нет, и нет за спиной России, еще не вступавшей в войну, — как это было летом 1876 года. С этими Южными Славянами беда. Они еще живут в эпических временах — их не разуверить теперь в силе и значении Славянского общества и в моем личном; я не решился даже прочесть этот адрес не только в Общем собрании, но даже в Совете: так нелепы были возлагаемые ими на меня надежды! Но я помню, что рассказывал о нем между прочим и Е<катерине> Федоровне, указывая именно на то, что подобный адрес прислан по почте — через Австрию!! Становясь на австрийский landrakt⁵⁶, я не могу и винить последнюю, но если последняя пожаловалась, так нашему правительству следовало бы наперед справиться, отвечал ли я.

53. Дизраэли Бенджамин (с 1876 г. граф Биконсфильд; англ. Benjamin Disraeli, 1st Earl of Beaconsfield; 1804–1881) — английский государственный деятель, тори, 40-й и 42-й премьер-министр Великобритании в 1868 г. и с 1874 по 1880 г., член палаты лордов с 1876 г.

54. После завершения Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Босния и Герцеговина номинально были оставлены в составе Османской империи, однако в провинцию были введены австро-венгерские войска и территория оказалась под протекторатом Австро-Венгрии (вплоть до аннексии 1908 г.). При вводе австро-венгерских войск турецкие военные части, ополчение и местное население оказали сопротивление, подавленное в основном в течение трех недель. Напряжённость в дальнейшем сохранилась в некоторых частях провинции (в частности, в Герцеговине); после оккупации началась массовая эмиграция преимущественно мусульманского населения. Однако австро-венгерским властям удалось стабилизировать обстановку и начать социальные и административные реформы.

55. Mot d'ordre — приказ (фр.).

56. Landrakt — закон страны (нем.).

Я знаю, что теперь мое изгнание и закрытие Общества многие объясняют протоколом, это рассказывает теперь и О.Ф. Кошелева⁵⁷ со слов некоторых придворных дам, которых она видела. Но эти дамы ведь ничего не знают и повторяют лишь то, что между про<чим?> счел возможным пустить в ход покойный Мезенцев⁵⁸. За протокол я отвечать не могу, а может отвечать Нил Попов⁵⁹, который его писал как председатель; он же подписал и бумагу, ко при которой сообщил копию с протокола Долгорукову. В этом заседании Совета председательствовал уже не я, а Нил Попов, и я из деликатности даже не вмешивался в Редакцию Протокола, так что и не обратил внимания на его редакцию. Редакция же действительно составлена была очень неловко⁶⁰.

Весьма возможно, что упомянутые придворные дамы выражали мнение, что напрасно Д<олгоруко>в поторопился, что напрасно не было просьб от некоторых членов Общ<ест>ва, что произнесено было имя «Басилея». Но ведь вся эта история произведена скрытно от женской половины, и не случайно, а весьма сознательно. Трудно даже обвинить Долгорукова, когда три бумаги к нему последовали одна за другою, из которых две я сам читал, а третья, в форме телеграммы, была мне им передана. Во всех требовалось совершить закрытие и ликвидацию — «немедленно», «в

57. Кошелева Ольга Федоровна (урожд. Петрово-Солово, 1816–1893), замужем за А. И. Кошелевым с 1835 г., после его смерти издала в Германии (дабы избежать цензурных ограничений) «Записки» покойного с приложениями. Отличалась, по крайней мере в 1850-е годы, некоторым неумеренным «бытовым» славянофильством (см. переписку, частично опубликованную: Колюпанов, 1892; также примечания и комментарии Т. Ф. Пирожковой в издании: Кошелев, 2002).

58. Мезенцев Николай Владимирович (1827–1878) — начальник III Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, шеф Отдельного корпуса жандармов. Был убит на Михайловской площади в Петербурге С. М. Кравчинским (членом народофильской террористической организации).

Громкое убийство Мезенцева в самом центре Петербурга и притом на виду у нескольких жандармов — было, разумеется, предметом горячего обсуждения в это время. В письме к сестре, М. С. Тхоржевской, и ее мужу Егору Анатольевичу Аксаков непосредственно соотнесет свое положение и убийство Мезенцева, тем более что последний по должности имел прямое отношение к высылке Аксакова из Москвы: Что за ужас это убийство Мезенцева среди бела дня, около самого Невского в Петербурге! Ни души — полицейской кругом, — когда до 12 полицейских чиновников, в том числе и переодетые (напр<имер>, Ловягин) участвовали при моих проходах на жел<езной> дороге; четверо городских стояли у нашего дома до самого отъезда Анны и записывали приезжающих; и когда Анна поехала в Волынское проститься с Приютом, так сзади коляски в Волынское трясся на извозчике и полицейский офицер. Меня разоряют, ссылают, а тут упускают убийц!..» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед.хр. 56, лл. 11–110б), а в письме к Г. П. Галагану от 23 августа 1878 г. восклицал: «Мезенцов проглядел собственных убийц, а был одушевлен страхом Славянофилов! Да еще как! как возмущался Моск<овским> Слав<янским> Обществом!..» (ИРЛИ Ф. 3 Оп. 2. Ед.хр. 11, л. 4).

59. Попов Нил Александрович (1833–1891) — русский историк, славист, архивист, член-корреспондент Петербургской АН (1883). Был товарищем председателя Московского Славянского общества, после удаления Аксакова от должности временно исполнял обязанности председателя.

60. Но Н. Попову не было даже и замечания, сколько я знаю. Стало быть, странно карать меня за протокол. — Прим. И. С. Аксакова.

кратчайший срок» и притом как можно тише. Если кого тут можно обвинить, так Нила Попова, который усердно улаживал все трудности к закрытию⁶¹.

Я очень рад, что Ольге Федоровне удалась ее поездка, и она была права, что поехала, очень рад также, что выше придворных дам она не могла иметь объяснение. Пришлось бы тогда неминуемо коснуться самого Слав<янского> Общества и меня, во входе ли заступничества или отступничества, что во всяком случае было бы нежелательно... Я должен сознаться, что еще за четыре дня до ее поездки, возмущенный усердием Попова, и скрытностью ликвидации, и озабочиваясь участью как мальчиков, так и девочек, я с оказией послал горячее письмо к одной известной Вам, близкой мне особе, только что перед тем отправившейся в Петербург, очень умной и очень дельной, как Вы знаете, с целью заинтересовать, через общего нашего приятеля П<обедоносцева>, некоторую часть мерзкого персонала в судьбе Слав<янского> Общ<ест>ва, но преимущественно учащихя обоего пола⁶². Заинтересовать не уда-

61. Анна Федоровна Аксакова описала ретроспективно события тех дней и роль Н. А. Попова следующим образом: «14-го <июля> был созван совет комитета и принято освобождение моего мужа от полномочий председателя, и временно они были возложены на его помощника — Попова.

Я не могу точно передать, что там произошло. Протокол заседания по оплошности либо по злому умыслу был так двусмысленно отредактирован, что послужил поводом для недоброжелателей усмотреть в нем неприличную выходку Славянского общества, тем более что в нем содержались выражения от лица общества благодарности моему мужу за его деятельность на посту председателя. Попов и несколько других членов комитета Славянского общества уже давно были недовольны моим мужем. Не удивлюсь, если эти господа потихоньку делали все, чтобы добиться закрытия общества и устранения моего мужа, потому что они понимали, что пока во главе общества будет мой муж, член комитета, живущий в Москве, в том же доме, где помещается Славянский комитет, его влияние будет неизменным и он всегда будет центром и душой общества. Так что, возможно, протокол был отредактирован именно с такой задней мыслью, чтобы отстранить от дел моего мужа и вызвать закрытие общества. Так оно и случилось, но верных доказательств относительно виновников у меня нет.

Муж вернулся в Волынское немного расстроенный. Он сказал, что самым тяжелым в заседании было для него выслушивать банальные выражения благодарности от Попова, те самые, которые потом ему же поставили в вину. <...>

Попов с величайшим усердием принялся за ликвидацию общества. В мгновение ока все бумаги были вынуты из шкафов, беспорядочно сложены в ящики и отправлены в московские архивы. Трех дней хватило, чтобы все было развеяно, а мебель продана с молотка. Среди всего этого хаоса мелькали испуганные лица болгар и сербов, в ужасе приходивших справляться о том, что же случилось. <...>

Попов исполнил то, чего от него ждали, с усердием лакея, а русское общество и в этом случае, как и во многих других, доказало, что оно довольно существующим режимом и вполне его заслуживает» (Тютчева, 2008: 546, 550–551).

62. Во многом именно заботой о юношах и девушках, находившихся на попечении Московского Славянского общества, И. С. Аксаков после дозволения вернуться в Москву пытался мотивировать восстановление Общества перед властями. В письме к П. Н. Батюшкову от 26 февраля 1879 г. Аксаков набрасывает примерный текст записки для своего корреспондента, которого он предлагал в председатели восстановленного Общества (ввиду явной невозможности для властей после всего происшедшего собственной кандидатуры):

«Возобновление общественного в Москве органа, служащего посредником между заграничными, преимущественно Южными Славянами и Русским обществом, становится неотложною потребностью.

По упразднении Московского Славянского Благотворительного общества, осталось одних воспитанников-Славян более 120. Из них 50 мужского пола более или менее обеспечены в существовании своем до окончания курса из сумм Славянского общества, переданных в подлежащие ученые учреждения; но этих стипендий недостаточно для удовлетворения случайных вопиющих нужд, претерпеваемых сими воспитанниками, — всегда в прежнее время предупреждаемых или удовлетворяемых бывшим Московским Славянским обществом. Так, многие из сих воспитанников, уроженцы теплых стран, не выдерживают суровости нашего климата и заболевают: им нужны средства для лечения или для возвращения на родину, — но откуда же добыть им этих средств и к кому обратиться? Лучшие ученики, обещающие стать полезными деятелями для своей родины, нуждаются в книгах, инструментах, учебных пособиях, которых нельзя приобрести из 25 рублей, получаемых ими в месяцы, в виде стипендии из Университета, или 15 рублей, выдаваемых Семинарей.

Кроме того, необходим постоянный ближайший надзор за всеми этими молодыми людьми: надзор за их учением, поведением и внешними условиями жизни; последнее особенно важно для них как для чужестранцев, незнакомых с особенностями столичного русского быта, способных легко подвергнуться всяким обманам и соблазнам. Надзор за успехами представляет также немалую важность: те, которые оказываются вовсе не способными учиться с успехом, могли бы и должны бы быть возвращены на родину, а деньги, употребляемые на них, послужили бы, таким образом, на воспитание более даровитых.

В таком почти положении обретаются и девицы — Юго-Славянки. Правда, попечение о них возложено на одну из Московских дам, но она одна, без помощниц и без правильной организации всего дела, не в состоянии, при всех своих стараниях, иметь надзор за 72 девочками и девицами, разсеянными по разным заведениям, монастырям и приютам — и даже не обеспеченными в денежных средствах, так как сумм, отчисленных на воспитание сего числа Славянок, недостаточно для уплаты за полный курс их учения. А между тем их уже не 72 в настоящее время, а 84...

Об упразднении Московского Славянского общества не дозволено было публиковать в газетах, и хотя, по слухам, велено было нашим консулам задерживать на месте и не пускать в Россию юных Славян, стремящихся получить образование не в Вене, Берлине или Париже, а именно в России, однако ж эта мера оказалась безуспешною.

Девочки и молодые люди не перестают прибывать, в полной уверенности, что Славянское Благотворительное общество существует и в Москве, подобно тому, как оно существует в Одессе, Киеве и Петербурге. Они обращаются к бывшим членам бывшего Общества, но кроме того, что последние не всегда располагают достаточными личными средствами для удовлетворения подобных требований, самое размещение их сопряжено с хлопотами и условиями, слишком затруднительными для частных лиц, действующих порознь, а не совокупно, в виде организованного общества. Поэтому не редкость видеть в Москве молодых людей из Славян, ходящих по домам и просящих даже не воспитания, а настоящего хлеба и средств возвратиться на родину из негостеприимной Москвы.

Но не одни молодые люди и не с одними просьбами о воспитании продолжают осаждать бывших членов Московского Славянского общества. Черногория молит о хлебе, Болгария вопиет о восстановлении богослужения в храмах, об облачениях и утварях, она же и Сербия просят русских учебников и книг... Моления, ходатайства, просьбы по-прежнему устремляются в Москву, имя которой известнее Славянскому миру, чем имена прочих городов, — и никаким объяснениям, что в Москве Общества уже не существует и средств для помощи не имеется, не дается веры.

А между тем средства бы, несомненно, нашлись, если б был какой-либо центральный общественный орган с исключительной целью благотворения Славянам. Многие бывшие члены Московского Славянского общества, находящиеся в Москве, получают нередко денежные приношения в пользу Славян, даже в форме прежних членских взносов, — и вынуждены отказывать в приеме оных, дабы не подвергнуться упреку, будто они пытаются негласно восстановить упраздненное Общество.

лось, П<обедоносцев> не решился, но я знаю, что письму моему, по-видимому, против моего ожидания, дан был ход туда, куда стремилась и О<льга> Ф<едоровна>. К счастью, в этом письме о себе я ничего не говорю. Конечно, придворные дамы, гр. Блудова⁶³ и пр. об этом ничего не знали. Тем более кстати был приезд самой Председательницы Дамского Отделения, потому что случилась переписка и дело становилось сейчас на легальную, практическую почву.

КиКу⁶⁴ в Царском Селе, Средняя Улица, дача №10, лечится очень серьезно у Красовского, который признает ее болезнь серьезною, но совсем не тою, как думал Боков⁶⁵.

Вот какое длинное, на досуге, написал я Вам письмо, дорогая и глубокоуважаемая Графиня. Написал отсюда большое письмо к Дм<итрию> Фед<оровичу>, в ответ на письмо, адресованное им еще в Москву, а на днях получил от него письмецо, уже адресованное в Варварино.

Дней через 10 ожидаю сюда к себе брата Григ<ория> Сергеевича.

Прощайте, целую ручки Ваши

Ваш душою

Ив. Акс.

Анна Фед<оровна> только теперь вполне почувствовала меру своего утомления. Возбуждению нервов настала реакция, и она — как осенняя <1 сл. нрзб.>. Поэтому только она сама Вам сегодня не писала, но сердечно благодарит Вас за Анну Заметчинскую. Тут вышло недоразумение. В Александр<овский> Институт⁶⁶ действитель-

Итак, с одной стороны — вопиющие нужды и мольбы о помощи; с другой — полная готовность удовлетворить нужды и оказать помощь: недостает только посредствующего органа.

Если Устав, утвержденный Правительством и преподанный в руководство славянским благотворительным обществам Одессы, Киева и С.-Петербурга, — признается вполне соответствующим видам Правительства, почему же этот Устав не может иметь такой же благодетельной силы и в первопрестольном городе Российской империи, Москве?» (ИРЛИ Ф. 3 Оп. 2. Ед.хр. 3, лл. 6–10).

63. *Блудова Антонина Дмитриевна*, графиня (1813–1891), дочь графа (с 1842) Д. Н. Блудова (1785–1864). Состояла при дворе, в 1863 г. став камер-фрейлиной, пользовалась значительным влиянием при дворе (несколько уменьшившись по кончине отца). Принимала большое участие в благотворительных организациях и акциях, имевших своей целью поддержку православия в западных губерниях. Переписка И. С. Аксакова с гр. А. Д. Блудовой опубликована: Аксаков, 1896.

64. Т. е. Е. Ф. Тютчева.

65. *Боков* — известный московский врач, его приглашал и Аксаков во время тяжелой болезни Анны Федоровны в январе 1883 г. (см. письмо М. С. и Е.хА. Тхоржевским от 20 января 1883, ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед.хр. 56, лл. 370б–38), он же лечил И. С. Аксакова в 1885 г., когда у него случился тяжелый сердечный приступ, вынудивший на время прекратить издание газеты «Русь».

66. *Московский Александровский институт* — образовательно-воспитательное женское учреждение в Москве. В 1804 г. при Московском Екатерининском училище благородных девиц было создано отделение для девиц недворянских сословий — дочерей обер-офицеров, мещан и прочих. С декабря 1807 г. оно стало именоваться Александровским. Учреждение мещанского училища преследовало две основные цели: расширить круг лиц, имеющих образование вообще, и лиц, воспитанных в заведениях императрицы Марии Федоровны. С 1842 г. отделение выделили в самостоятельное мещанское училище, которое с 1891 г. было преобразовано в Александровский женский институт.

но велено принять Анну, но не Заметчинскую, а другую, дочь одного священника Московского, тоже Анну, о которой Анна Федоровна просила два года тому назад. Тогда встретилось какое-то препятствие и А<нна> Ф<едоровна> совсем о том забыла. Она вновь написала Делянову⁶⁷, но всего лучше, чтоб девочка поступила теперь уже в Черняевское заведение.

ХIII

27 Авг. На 28-ое

78

С. Варварино

Вы правы, дорогая Марья Федоровна, мир, глушь, красота природы расшевелили в моей душе, казалось, заглухнувшие струны. Вот для первого дебюта послание в стихах к Екат<ерине> Федоровне, которое Вам и посылаю, получив наперед от нее разрешение. Она очень довольна стихами и сама раздает с них копии. Скоро ли Вы ожидаете в Москву Дмитрия Федоровича и можно ли еще успеть написать к нему в Сызрань?

У нас все тихо. Был князь Гагарин (он живет в Владим<ирской> губ<ернии> верст за 100), был мой брат Григорий Сергеевич с сыном, проездом в Киев. Оба могли удостовериться, как действительно труден к нам доступ благодаря сквернейшим дорогам.

Я имею некоторое понятие о статье Ламанского⁶⁸, не знаю только, окончил ли он ее; он читал мне начало еще в Петербурге и рассказывал содержание. Статья обещала быть очень хорошею, и оценка Юрия Федоровича действительно очень верна и тонка. Он стал было печатать в Новом Времени ряд статей о Славянофилах, но почему-то прекратил после двух-трех раз. Это было еще в прошлом году. Но утешительно думать, что в том же смысле и духе преподает он с кафедры. Странно подумать, что именно в Петерб<ургском> Университете это направление почти господствует, по крайней мере я знаю четырех профессоров, очень благотворно действующих на студентов⁶⁹ —

67. Делянов Иван Давыдович, граф (1818–1897) — камергер (1849), статс-секретарь ЕИВ (с 16 апреля 1867 г.), директор Публичной библиотеки в 1861–1882 гг., действительный тайный советник (с 1 января 1873 г.), член Государственного Совета (с 1 января 1874 г.), министр народного просвещения с 16 марта 1882 г. — и до самой смерти. В рассматриваемый период (с 1866 г.) — товарищ министра народного просвещения.

68. Ламанский Владимир Иванович (1833–1914) — историк, славист, близкий к славянофилам. Наиболее активные контакты с Аксаковым приходятся на конец 1850-х — начало 1860-х гг., публиковался в газете «День», в дальнейшем принимал активное участие в работе славянских комитетов и славянского общества. Переписка В.И. Ламанского с И. С. Аксаковым частично опубликована: Аксаков, Ламанский, 1916а, 1916б, 1917.

69. Противопоставление Московского и Петербургского университетов в плане отношения к славянофильству характерно для Аксакова этого времени. Например, в письме к Г. П. Галагану от 28–29 октября 1878 г. (из Варварина) он пишет о Москве: «Университет никуда не годен. Молодежи кругом нет: она слишком радикальна и мало интересуется реальными, насущными вопросами...» (ИРЛИ. Ф. 3

именно в этом направлении, конечно, не все с равной степенью такта и разумения: это Ламанский, Градовский⁷⁰, Орест Миллер⁷¹ и Бестужев-Рюмин⁷².

Московский Почтамт продолжает добросовестнейшим образом пересылать мне письма, адресованные на мое имя, но как Председателю Слав. Общества. Это все еще письма из Слав<янских> земель, но преимущественно из Южной Болгарии и Македонии: стоны и вопли. «Скажи, Москва, что нам делать, и мы повинуемся Твоему Гласу!» и пр. в таком же роде. Тут есть письма и от Митрополитов, стало быть, сановитых лиц. Но полагаю, что эти писания скоро прекратятся, благодаря иностранной прессе, которая с единодушным злорадством встретила весть о ликвидации Общества и моем изгнании, обзывая Общество *le comite panslaviste revolutionsire*⁷³, и, конечно, теперь довело о том до сведения и Болгарских захолустьев. Меня очень затрудняют эти письма. Что могу я на них ответить! Всё и все увязли в каком-то болоте, из которых мыслью и словом не вылезть.

Многому поучает непосредственное ощущение нашего сельского мира. Тут еще такие непочатые руды всяческой силы и преимущественно силы духовной. Им, этим миром, только и держится Россия. Может хоть опять разбиться в дребезги Государство, как в 1862 году, и опять эта почва возродит его снова... Все эти учения, доктрины нигилистов и социалистов — расстелятся по этому славянскому простору, как дым по степи. Как она хороша, эта Русь, именно тем, что казенная правда никак не влезает в ее душу и не вытесняет в ней закона совести, как это мы видели в Германии, в других странах, где сама душа народа уже отравилась началами внешней, формальной, государственной правды. Кстати, я полагаю, что многие не поймут в стихах моих выражения: звук победной песни, забыв, что на литургии ежедневно возглашается: «победную песнь певце, вопиюще... осанна Вышний».

Вчера получил письмо от Е<катерины> Фед<оровны>⁷⁴, в котором она пишет, что Эдитта Фед<оровна>⁷⁵ привезла ей всю свою переписку с Ю<рием> Ф<едоровичем>⁷⁶,

Оп. 2. Ед. хр. 11, л. 70б), а в письме (от 22 мая 1880 г.) к сестре Марии Сергеевне, в замужестве Томашевской, и ее мужу, Егору Антоновичу, утверждает: «<...> Университет Московский с университетскою молодежью стали истинным гнездом Западничества, тогда как в Петербурге очень сильная партия между профессорами в нашем направлении» (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 56, л. 170б).

70. *Градовский Александр Дмитриевич* (1841–1889) — экстраординарный (с 1869) и ординарный (с 1870) профессор права Петербургского университета, известный публицист.

71. *Миллер Орест Федорович* (1833–1889) — известный профессор истории русской литературы Петербургского университета, в дальнейшем принимал деятельное участие в качестве сотрудника газеты И. С. Аксакова «Русь», после смерти Аксакова один из составителей Собрания сочинений покойного (в 7 т., 1886–1887).

72. *Бестужев-Рюмин Константин Николаевич* (1829–1897) — русский историк, один из основателей отечественной школы источниковедения. С 1860-х годов близок к славянофильскому направлению, много сделал для научного признания и популяризации взглядов Н. Я. Данилевского.

73. *Le comite panslaviste revolutionsire* — «панславистским революционным комитетом» (*фр.*).

74. Т. е. Е. Ф. Тютчевой.

75. *Раден Эдитта Федоровна*, баронесса (ум. 1885) — из курляндского дворянства, фрейлина В. К. Елены Павловны, после кончины последней причислена к фрейлинам императрицы.

76. Т. е. Самариним.

и она (Екатерина Федоровна) с увлечением и наслаждением ее читает⁷⁷. Она в восторге от писаний самой Mlle Raden.

Целую Ваши ручки, любезная Графиня. Будьте все-таки осторожны с Маттеелем. Его лекарства сильные и неизвестные яды. Ваш душой Ив. Аксаков.

XIV

5 Окт. 78.

Варварино

Как я рад и счастлив, дорогая Марья Федоровна, если мог хоть неволью своими — кстати подвернувшимися под Ваши глаза — стихами рассеять Ваше недоумение

77. Речь идет о переписке Ю. Ф. Самарина с баронессой Э. Ф. фон Раден. Позднее она была опубликована: Самарин, Раден, 1893. В переписку с Ю. Ф. Самариным выступила в 1861 г., основная часть переписки приходится на 1864–1876 гг.

Аксаков познакомился с этой перепиской в 1876 г., сразу же по кончине Ю.Ф. Самарина. В письме к матери и сестре Софье от 14 мая 1876 г. он пишет: «Дня три-четыре, которые я провел в Петербурге, употребил я почти исключительно на знакомство с письмами Самарина к Э. Ф. Раден, фрейлине В.Кн. Елены Павловны, девушки лет под 50, замечательной по необыкновенному уму и возвышенному христианскому строю духа. Самарин вел с ней переписку в течение 12 лет, преимущественно философско-богословского содержания. Хотя она Протестантка, но Самарин говорил ей неоднократно в письмах, что после Хомякова он ни с кем не вел таких бесед, или на самом деле не был расположен [так — вписано сверху] раскрываться душою в отношении к вопросам религиозным, как с нею. Она дорожит этими письмами как сокровищем, не хочет выпускать их из своих рук и объявила, что передаст права ими воспользоваться только мне. Мы и читали их с нею, и условились, как с ними быть; прежде всего она займется их перепискою, потому что печатать их было бы теперь слишком рано. Письма эти удивительно как хороши, глубоки, важны и дают то понятие о Самарине, которые не дают его напечатанные сочинения и его письма к прочим друзьям (писем его к Хомякову не сбереглось ни одного, как сказал мне Хомяков Дмитрий*), именно понятие не только об его религиозных убеждениях, но и о силе его внутреннего религиозного чувства; он является в них не только стороною ума, во всеоружии несокрушимой логики, но и стороною души, всецело верующей» (ИРЛИ Ф. 3. Оп. 15. Ед.хр. 17, лл. 63–63об).

В некрологе, опубликованном в № 15 «Руси» от 1885 г., Аксаков вновь рассказал об этой переписке: «Она долгое время состояла фрейлиной при покойной Великой Княгине Елене Павловне, любившей, как известно, собирать на своих петербургских вечерах все выдающееся умом, образованием и талантом — ученых, писателей, даровитых людей государственной службы. Там, во дворце Великой Княгини, можно сказать, дебютировали в начале своей карьеры оба Милютины** и иные молодые начинающие деятели, впоследствии сподвижники важных реформ прошлого царствования; там, в эпоху освобождения крестьян и даже раньше, собирались и все подготовители, а потом и главные работники величайшего из преобразований: Самарин, кн. Черкасский и многие другие. Кроме, разумеется, самой Великой Княгини, одним из притягательных центров общества на этих исторических вечерах была Э. Ф. Раден. Она состояла в дружбе с лучшими из посетителей, и в особенности с Ю. Ф. Самариным. После смерти последнего Эдита Федоровна привела в порядок всю свою переписку с ним... Нам удалось прочесть некоторые из писем Самарина: это целые блестящие статьи, поражающие глубиной мысли, меткостью слова и притом согретые тою искренностью, которой обыкновенно лишены сочинения, предназначенные для печати».

* Хомяков Дмитрий Алексеевич (1841–1918) — старший сын А. С. Хомякова.

** «Оба Милютины» — т. е. Николай и Дмитрий Алексеевичи Милютины.

и удержать Вас при Вашем деле. Обязательное внешнее дело — вещь спасительная, — по-видимому, отвлекает, в сущности помогает внутреннему строению человека, отвлекая его от постоянного разбереживания душевных ран, от обессиливающего *grübeln*⁷⁸... Не напоминают ли Вам, и Александре Николаевне Бахметевой⁷⁹ и еще, может быть, некоторым мои стихи то давно прошедшее время, когда поэзия и вообще «эстетика» так много значили в жизни? С ними даже неудобно было бы и выступить в печати в настоящую пору... Я имею некоторый повод думать, что мое возвращение, стало быть, и ~~мое возвращение~~ наше свидание не состоится так скоро, именно потому между прочим, что прямого повода к ссылке не было, что скорое возвращение совершенно бы обессмыслило принятую меру. И в самом деле, если это кара, то она может быть вразумительна и назидательна, когда знаешь за что, а этого именно в настоящем случае и нет; но даже и как кара, удаление в деревню два ~~ме~~«~~сяца~~» или три месяца <вставлено над строкой: лета и> прекрасной осени — едва ли соответствует такому смыслу: это <вставлено над строкой: было бы> не больше как *une villégiature forcée*⁸⁰. Если эта мера предпринята не столько в виде кары, сколько в видах административного удобства или из иных расчетов, так нет причины полагать, что эта мера удобства стала излишнею...

В своих бумагах я нашел стихи, написанные мною в Петербурге, через несколько дней времени после ареста Ю<рия> Федоровича⁸¹ в 1849 г., в Марте месяце — и за несколько дней до моего собственного ареста⁸². Оно озаглавлено: «Ответ на письмо N. N.». Я припоминаю, что был приглашен на какой-то раут или обед или ужин одним из знакомых Юрия Федоровича и нашел неприличным такую затею для приятелей арестованного. Но такая досада, никак не могу припомнить, от кого было приглашение и кому я отвечал! Был ли это граф Дм. Андр. Толстой⁸³, или А. Вл. Веневитинов⁸⁴,

78. Размышления (нем.).

79. Бахметева Александра Николаевна (урожд. Ховрина; 1823/1824–1901) — писательница, почетный член Общества любителей российской словесности. Кроме литературной деятельности заявила себя и как деятельный член отдела Общества любителей духовного просвещения по распространению духовно-нравственных книг (была в числе учредителей этого отдела).

80. Вынужденный отпуск (фр.).

81. Т. е. Самарина.

82. И. С. Аксаков был арестован 18 марта 1849 г. (основанием к чему стали неосторожные выражения, допущенные им в письмах к родным) и освобожден из Петропавловской крепости — после дачи им ответов на вопросные пункты и резолюции императора, адресованной начальнику III Отделения гр. А. Ф. Орлову: «Призови, прочти, вразуми и отпусти» — 22 марта 1849 г.

83. Толстой Дмитрий Андреевич, граф (1823–1889) — русский государственный деятель и историк; член Государственного совета (1866), сенатор, обер-прокурор Св. Синода (1865–1880), министр народного просвещения (1866–1880), министр внутренних дел и шеф жандармов (1882–1889).

Возможно, ошибка памяти или описка — поскольку в Петербурге в 1849 г. он был достаточно близок (по крайней мере для того, чтобы вместе разговеться) с Дмитрием Николаевичем Толстым (1806–1884), чиновником особых поручений при министре внутренних дел, в дальнейшем в 50-е годы губернатор рязанский, калужский, воронежский, с 1861 по 1863 г. директор департамента полиции, в 1876–1879 гг. председатель Общества истории и древностей российских при Московском университете.

84. Веневитинов Алексей Владимирович (1806–1872) — камергер, действительный статский советник, товарищ министра уделов, брат поэта. Был дружен с А. С. Хомяковым.

или Кн. П. А. Вяземский⁸⁵ <вписано над строкой: или А. О. Смирнова⁸⁶ (едва ли)> — никак не припомню, но в то время (я только что приехал в Петербург из Бессарабии⁸⁷) у меня других знакомых, которые бы могли дать пиры или рауты, никого не было⁸⁸. Конечно, Ю<рий> Ф<едрович> никогда не узнал об этих стихах, потому что

85. *Вяземский Петр Андреевич*, князь (1792–1878) — русский поэт, литературный критик, историк, переводчик, публицист, мемуарист, государственный деятель (с 1855 по 1858 г. — товарищ министра народного просвещения).

86. *Смирнова Александра Осиповна* (урожд. Россет; 1809–1882) — фрейлина императрицы Александры Федоровны. С 1832 г. замужем за Николаем Михайловичем Смирновым (1807–1870). Хомяков, Самарин, Конст. и Ив. Аксаковы были с нею в достаточно близких отношениях, И. С. Аксаков познакомился со Смирновой в 1846 г. в Калуге (где был губернатором ее муж) и поддерживал отношения до самой смерти.

87. В октябре 1848 г., перейдя на службу из Министерства юстиции в Министерство внутренних дел, Аксаков был командирован по распоряжению министра, Льва Алексеевича Перовского, в Бессарабию с секретным поручением по исследованию раскола, откуда он вернулся в Петербург в январе 1849 г.

88. О мыслях и настроении Аксакова того времени, к которому относятся его эпистолярные воспоминания, можно судить по письму к родным из Петербурга от 31 января 1849 г.: «В субботу <т. е. 29 января> Самарин получил записку от Вяземского, где он приглашает его и меня, хоть я у него и не был, к себе на вечер для празднования юбилея Жуковского, по случаю 50-летия его литературной деятельности. Мы отправились и, к удивлению, нашли почти всех в белых галстуках и в орденах: скоро узнали мы, что на этом вечере будет наследник <...>. Тут было множество народу: был Киселев, Блудов и вообще цвет петербург<ских> придворных умов. Приехал наследник, и Блудов прочел стихи Вяземского, на сей случай написанные. Стихи очень плохи. Блудов читал их, беспрестанно прикладывая лорнет к глазам и тряся голос для эффекта. Если б мне не было противно и досадно, мне было бы смешно. Да, я забыл сказать, что все это началось пением „Боже, царя храни“, пели бывшие тут артисты, Оболенские (Дмитрий и Родивон), Бартеньева и некоторые другие дамы; прочие шептали губами из усердия. Когда Блудов читал стихи, то некоторые дамы прослезились, несколько раз раздавался ропот неудержимого восторга из уст этих чопорных фигур в белых галстуках; когда кончилось чтение, то слышались жаркие похвалы и суждения в таком роде: „Отважный юноша, как это хорошо, какая мысль, отважный, как это по-русски“; „Да, да, — повторял другой какой-нибудь граф, не расслышав, — важный, c'est charmant, c'est sublime“!.. <...> После этого пропеты были куплеты стариком Виельгорским; после каждого куплета хор повторял refrain**:

Наш привет ему отраден
И от города Петра
Пусть домчится в Баден-Баден
Наше русское ура!

Надо было видеть, с каким жаром эти белые галстухи кричали: „наше русское ура!“ После этого подан был лист бумаги, на котором все посетители должны были написать свои имена, начиная с наследника. Делать нечего, и я вписал свое имя, только почти предпоследним... Наконец великий князь уехал, и тогда Глинка, музыкант, стал петь разные свои романсы... Это только меня и утешило.

Предоставляю вам судить, что испытал и переживал я в первую половину вечера! <...> Я решительно не хотел сблизиться с этим обществом и ни с кем не познакомился. Карамзины просили Оболенского и Самарина познакомить тут меня с ними; я отказался. Хорошо племя, нечего сказать» (Аксаков, 1988: 462).

* Прелестно, бесподобно (*фр.*). ** Припев (*фр.*).

он уехал из Петербурга, когда я еще сидел в III Отделении⁸⁹, а меня Перовский потом удерживал в Петербурге до конца Апреля. Не помню, был ли он еще в это время в Москве⁹⁰, где я остался дней 10, не больше, проездом в Ярославль — по службе. Я сам об этих стихах совсем забыл! Они не попались при обыске, потому что дня за два до обыска А. О. Смирнова, почему-то беспокоившаяся, что и меня могут арестовать или по крайней мере обыскать, уговорила меня принести к ней на сохранение все мои рукописи, что я и исполнил, оставив у себя только «Бродягу»⁹¹ и несколько писем от родных. Стихи эти, конечно, очень молодые, что называется, «экзальтированные» и, вероятно, заставили весьма пожать плечами тоже, кто их получил, но выписываю их здесь для Вас, так как Вам это может быть интересно.

N. N.

Ответ на письмо.

Противен смех и говор шумный
 Обычных суетных речей —
 Живой, законной и разумной
 Внезапной скорби наших дней!
 Ужели свет, ярому послушный,
 Не может ныне, ~~равнодушный~~ малодушный,
 Почтить страдание сполна,
 Уважить памятью особой,
 Когда бессмыслицей и злобой
 Святая правда поправа?..

Нет, ковом злым и делом черным
 До дна души возмущены,
 Мы все врагов клеймом позорным
 Клеймить без устали должны.
 Но если в ком души не станет,
 Кто совесть выгодой обманет
 И нищ пред силою падет —
 Тот жди грозы! Тот год от году

89. Ю. Ф. Самарин был отпущен 17 марта 1849 г. и прибыл в Москву 22 марта (Самарин, 1889: CV), в тот же день, когда И. С. Аксакова выпустили из Петропавловской крепости, в Москву же Аксаков (командированный Министерством внутренних дел в Ярославскую губернию) смог выехать только 4 мая.

90. Самарин с 22 марта и до начала августа находился в Москве, ожидая назначения, которое состоялось 3 августа 1849 г. — он был прикомандирован к симбирскому губернатору (со временным оставлением в должности чиновника особых поручений при министре внутренних дел) и прибыл в Симбирск 28 августа (Самарин, 1889: CXXVIII).

91. Поэма И. С. Аксакова, оставшаяся незавершенной. Писалась с 1848 по 1851 г.

Грешные Богу и народу!
И месть обоих призовет!..
Март. Петербург.

1848

Прощайте, целую Ваши ручки.
Сердечно Ваш Ив. Акс.

XV

27 Ноября 1878.

с. Варварино

Теми же словами начну я свой ответ, любезнейшая Марья Федоровна, какими Вы начали Ваше последнее письмо: «темно, неприветливо, серо». Можно прибавить: серо, серо и — говоря о Русской деревне — сиро, потому что нет ничего печальнее Русской деревни в мокрую, грязную осень, в бездорожье, в распутицу: ни на санях, ни на колесах, бедные лошаденки изморились... Всегда забывают, сравнивая благосостояние наших крестьян с крестьянами западных стран, сколько первым приходится тратить сил и времени с борьбе с климатом, иметь и одежду, и экипаж и упряжь вдвойне. А потом — одна эта грязь имеет деморализирующее, угнетающее действие на душу...

Не знаю — этой ли грязи приписать и деморализацию Русского общества... Катковские дифирамбы получены были мною одновременно с описанием «Новой резни в Македонии», нами вырванной из Турецкого срама и вновь отданной Туркам на осрамление... Я все ждал — не скажется ли хоть в чем-нибудь настоящая правда народной мысли, народного чувства... Ни в чем. Как будто не пережили мы, не мы сами торжествовали и 20 Октября 1876 г., 12 и 23 Апреля 77 и 19 Февр. 78 года⁹². Точно ни в чем не бывало, все тишь да гладь да Божья благодать... И предание нескольких миллионов христиан опять на резню туркам возводят к добродетелям христианского смирения!! Спасибо хоть Амвросию: у него в речи хоть какой-нибудь намек есть, что остается еще желать кое-чего. Ничего не хочу я иметь общего с этим обществом, и если и возвращусь, так выйду из гласных Думы и Земства.

Я получил II Том Сочинений Ю<рия> Ф<едоровича>⁹³ и полюбовался изданием, и с какою-то гордостью солидарности с автором просмотрел этот памятник упорного труда и упорной думы, столько лет, изо дня в день направленных к одной великой заветной цели. Юрий Федорович говаривал про совершившееся освобождение кре-

92. 20 октября 1876 г. в Москве Александр II произнес речь, в которой выдвинул Порте ультиматум заключить с Сербией перемирие на два месяца (т. н. «московская речь») и предписал произвести частичную мобилизацию. Турция приняла требования Российской империи.

12 апреля 1877 г. — манифест об объявлении войны Турции, 23 апреля 1877 г. император принял в Кремле адреса от московского дворянства и городской думы, после чего был торжественный выход к народу и богослужение в Успенском соборе.

19 февраля 1878 г. подписаны прелиминарные мирные соглашения, завершившие Русско-турецкую войну (Сан-Стефанский мирный договор).

93. Т. е. Самарина. Речь идет об издании: Самарин, 1878.

стьян: одного этого дела достаточно на жизнь человеку, — кто удостоился на него потрудиться и принять участие в его совершении, тот может этим и удовольствоваться и не претендовать для себя в жизни на другие подобные праздники... Независимо от громадного таланта, какую он является рабочей силой, так что поневоле принимаешь его собственное сравнение, по поводу рабочей силы Журавского...⁹⁴ Одно это изучение Пруссии, положение Прусское изучить... вот это все равно что гранитные глыбы своротить с места! Конечно, немногие прочтут 2-й том, но кого интересует история мысли в Русском Обществе, тот должен прочесть, тот прочтет, чтобы видеть, как созидалось в сознании дело, с которого начинается новая эра в нашей истории... И важно при этом не просто либеральное стремление к освобождению крестьян из неволи: этого рода довольно дешевый либерализм существовал и в XVIII веке, — и И. С. Тургенев на этом основании приписывает себе участие в разрешении вопроса!.. А важно именно разрешение задачи в нашем народном Русском смысле, на основаниях, созданных историей. И тут невольно возникает вопрос: совершись это освобождение ранее, с точки зрения чисто западного либерализма, не было ли бы оно совершено так, как в 1819 г. были освобождены крестьяне в Лифляндии, как в 1812 г. освобождены Наполеоном в Польше?... Разумеется, не иначе.

Вполне понимаю, что перечитывая этот том, вы переживаете вновь и личные Ваши стремления, влечения и усилия ввиду той же цели... Хорошо, что у Вас есть кому передать Ваши семейные предания: я понимаю семью Дмитрия Федоровича.

Отправив на днях отсюда целый воз с делопроизводствами бывшей Болгарской Комиссии, с составленными мною тремя историческими записками и денежными отчетами; это отняло у меня много времени, так как здесь нет у меня ни канцелярии, ни бухгалтерии, ни даже писца.

Перестанет ли Москва толковать теперь о нашем немедленном возвращении?

Меня чрезвычайно забавляет перевод моих стихов «Варварино» в Парижской газете Temps. Стихи: «О чудный мир земли родной, как полон правды ты разумной», переведены: Oh, surprenant paix de ma terre natale, quelle prison tu es pour la vérité et la Sagesse⁹⁵! И это без злого умысла. Поискал в лексиконе слово полон. Конечно, полон в смысле полный там нет, потому что это усеченная форма, а есть полон, плен. Но Француз, основываясь на этом, говорит Il est temps de comparer ironiquement les résultats du congrès à Berlin avec le repos à la champagne!⁹⁶ Каково! Прощайте, дорогая,

94. Журавский Дмитрий Петрович (1810–1856) — выдающийся статистик. Ю. Ф. Самарин, познакомившийся с ним во время службы в Киеве, оставил очерк «Воспоминание о Д. П. Журавском» (первоначально опубликованный в № 2 «Русской Беседы» за 1857 г.), изданный в 1-м томе сочинений: Самарин, 1877: 207–223.

Имеются в виду приводимые Ю. Ф. Самариным в «Воспоминании...» слова Д. П. Журавского: «Я был бы совершенно доволен, если бы на меня смотрели как на рабочую силу и ценили бы меня в меру моего труда. На это, кажется, я имел бы право, а большего не прошу и не приму. Но я знаю, как это трудно; знаю, что гораздо труднее добиться справедливости, чем милости» (Самарин, 1877: 215).

95. О, удивительный мир родной земли моей! Какой темницей ты являешься для истины и мудрости! (пер. с фр. Р. А. Лошакова).

96. Сейчас самое время сравнить с иронией окончание берлинского конгресса с деревенским отдыхом! (фр.).

любезная Мария Федоровна, крепко жму Вашу руку, — Анна велит сказать, что обнимает Вас и продолжает наслаждаться своим затворничеством.

Ваш Ив. Аксаков.

XVI

3 Дек. 78

С. Варварино

Вероятно, Вы уже знаете через Е. Ф. Тютчеву, дорогая Мария Федоровна, о том, что я получил известие о своем освобождении официальным путем — одновременно с Москвою или даже ранее, — утром 28-го Ноября... Хотя, думаю, я не только безропотно покорился бы продолжению моего изгнания, но с полным убеждением, что такой невольный досуг был бы плодотворен для тех именно литературных трудов, о которых Вы упоминаете, — однако ж ни Анна Федоровна, ни я ни на минуту не останавливались на мысли продолжить здесь пребывание наперекор разрешению и не воспользоваться своею гражданскою полноправностью. К тому же эти четыре месяца дали мне столько свидетельств теплого участия и дружбы, что повидаться с старыми друзьями (от которых, собственно, и шли эти свидетельства) стало для меня истинною потребностью. Но хотя снегу и подпало немного, путь все еще не установился, а главное — нужно обеспечить себя квартирой, хорошо протопленной, чтоб было куда приехать с людьми, с вещами, со всем хозяйственным скарбом. В этом отношении явился таким же благодетелем нам добрейший доктор прав, который (и этим он резко отличается от ученых педантов <нрзб.>) не скупится тратить время на услуги и не брезгует никакими хозяйственными, практическими поручениями. Анна Федоровна желала бы иметь квартиру в доме Пороховщикова (на Тверской), так как они все отапливаются зимою, отданныя внаймы с хозяйскими дровами, снабжены подведенною водою и разными иными удобствами, но едва ли не все квартиры заняты.

Я надеюсь теперь быть гораздо свободнее — без Славянского Комитета, который отнимал у меня времени втрое более, чем Банк... Надеюсь оградить себя и от суеты Московской. Но как добыть нужного мира, если правда, что пишет Катков — о нашей возможности нашего согласия на передачу Константинополя Ан и проливов Англичанам?.. Его — при таких обстоятельствах — и здесь не добудешь, где мир — стихия, вас кругом объемлющая... Катков! Зачем он сам возвел дней 10 тому назад весь образ действий нашей политики чуть не в перл Христианского смирения?!

Прощайте, любезная и дорогая Марья Федоровна, до скорого свидания.

Весь ваш Ив. Акс.

XVII

13 Авг.
Суб.

Получил сегодня, дорогая Графиня, телеграмму П<етра> Фед<оровича>⁹⁷, которою он зовет меня в Измайлово. Поэтому я собираюсь завтра в Воскресенье ехать к Вам с пассажирским поездом, отходящим отсюда в половине первого, с тем чтобы вечером вернуться домой. Я послал Вам телеграмму, но на всякий случай пишу. До свидания,

Ваш Ив. Акс.

Литература

- [Аксаков И. С.] (1886). Сочинения И. С. Аксакова. Т. I: Славянский вопрос. 1860–1886. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». Речи в Славянском Комитете 1876, 1877 и 1878. М.: Типография М. Г. Волчанинова.
- [Аксаков И. С.] (1896). Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Ч. 2: Письма к разным лицам. Т. 4: Письма к М. Ф. Раевскому, к А. Ф. Тютчевой, к графине А. Д. Блудовой, к Н. И. Костомарову, к Н. П. Гилярову-Платонову. 1858–1886 гг. СПб.: Издание Императорской публичной библиотеки.
- Аксаков И. С. (1988). Письма к родным. 1844–1849 / Изд. подготовила Т. Ф. Пирожкова. М.: Наука.
- [Аксаков И. С., Ламанский В. И.] (1916а). Переписка двух славянофилов / Сообщила О. В. Покровская-Ламанская; прим. Н. В. Ястребова // Русская мысль. Год тридцать седьмой. Кн. IX. С. 1–32.
- [Аксаков И. С., Ламанский В. И.] (1916б). Переписка двух славянофилов / Сообщила О. В. Покровская-Ламанская; прим. Н. В. Ястребова // Русская мысль. Год тридцать седьмой. Кн. XII. С. 85–114.
- [Аксаков И. С., Ламанский В. И.] (1917). Переписка двух славянофилов / Сообщила О. В. Покровская-Ламанская; прим. Н. В. Ястребова // Русская мысль. Год тридцать восьмой. Кн. III–IV. С. 56–70.
- Емельянов Е. П., Тесля А. А. (2012). «[Единственный голос, к которому прислушивается правительство](#)» // Социологическое обозрение. Т. 11. № 3. С. 45–59.
- Колюпанов Н. П. (1892). Биография Александра Ивановича Кошелева. Т. II. М.: Типо-литогр. И. Н. Кушнерева и Ко.
- Кошелев А. И. (2002). Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). С семью приложениями / Изд. подг. Т. Ф. Пирожкова. М.: Наука.
- Мотин С. В. (2013а). Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества. Вып. 4: в 3 частях. 1861–1869: Редактор-издатель газет «День», «Москва» и «Москвич». А. Ф. Аксакова (Тютчева) и И. С. Аксаков. Ч. 1: 1861–1862 / Сост. С. В. Мотин, И. И. Мельников, А. А. Мельникова; под ред. С. В. Мотина. Уфа: УЮИ МВД России.
- Мотин С. В. (2013б). Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества. Вып. 4: в 3 частях. 1861–1869: Редактор-издатель газет «День», «Москва»

97. Т. е. Самарина.

- и «Москвич». А. Ф. Аксакова (Тютчева) и И. С. Аксаков. Ч. 2: 1862–1866 / Сост. С. В. Мотин, И. И. Мельников, А. А. Мельникова; под ред. С. В. Мотина. Уфа: УЮИ МВД России.
- [Самарин Ю. Ф.] (1877). Сочинения Ю. Ф. Самарина. Т. I: Статьи разнородного содержания и по польскому вопросу / Издание Д. Самарина. М.: Типография А. И. Мамонтова и Ко.
- [Самарин Ю. Ф.] (1878). Сочинения Ю. Ф. Самарина. Т. II: Крестьянское дело до Высочайшего рескрипта 20 ноября 1857 г. / Издание Д. Самарина. М.: Типография А. И. Мамонтова и Ко.
- [Самарин Ю. Ф.] (1889). Сочинения Ю. Ф. Самарина. Т. VII: Письма из Риги и История Риги / Издание Д. Самарина. М.: Типография А. И. Мамонтова и Ко.
- [Самарин Ю. Ф., Раден Э. Ф., фон.] (1893). Переписка Ю. Ф. Самарина с баронессой Э. Ф. фон Раден / Издание Д. Самарина. М.: Типография А. И. Мамонтова и Ко.
- Тесля А. А. (2012). Славянофильство сквозь призму неформальных отношений // Христианство и русская литература. Вып. 7. СПб.: Наука. С. 46–54.
- Тесля А. А. (2013). [Герцен и славянофилы](#) // Социологическое обозрение. Т. 12. № 1. С. 62–85.
- Тютчева А. Ф. (2008). Воспоминания. При дворе двух императоров / сост., вступ. ст., пер. с фр. Л. В. Гладковой. М.: Захаров.
- Цимбаев Н. И. (1986). Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX века). М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Чичерин Б. Н. (2010). Воспоминания: в 2-х тт. Т. 1 / Предисл., примеч. С. В. Бахрушин. М.: Изд-во им. Сабашниковых.